

ГРАБЯТ, БРАТЦЫ, ГРАБЯТ!

Во время одной из гастрольных поездок нашей известной пианистки Елены Гилельс на глаза случайно попалось заинтересовавшее ее издание — компакт-диск «Mravinsky Live». При ближайшем рассмотрении оказалось, что записан на нем Первый фортепианный концерт Чайковского и его же фортепианная соната, опус 80 (странно, какое оно может иметь отношение к Мравинскому?), которые играет ее отец — Эмиль Гилельс. (Кстати, на титульном листе имя Гилельс не значится).

По закону, без ее, Елены Эмильевны Гилельс, ведома и разрешения никто не может посягать на сокровища, созданные одним из лучших пианистов современности. Кто же и когда изготовил этот компакт-диск? Кто предоставил оригиналы? Кто воспроизводил? Началось «частное расследование».

Первая инстанция — фирма «Russian Disc», выпустившая в США эту продукцию. Владелец фирмы, американский гражданин Константин Орбелян, в настоящее время проживает в Москве. Он — музыкант, дирижер, руководитель нашего Государственного камерного оркестра. Ему, естественно, не нужно долго растолковывать качественное различие между записью по трансляции и студийной. А эта фонограмма фортепианного концерта сделана именно с эфиром, очевидно, не во всем удовлетворяя исполнителя, всегда относившегося к себе очень строго и придирчиво. Во всяком случае запись никогда при жизни пианиста не издавалась.

Итак, письмо № 1. Елена Гилельс — господину Орбеляну: «Господин Орбелян! Как дочь и наследница Э. Гилельса прошу вас дать мне разъяснение: по какому контракту Вы при-

обрели записи Э. Гилельса и в каких странах продаете вышеуказанный диск? На основании каких статей Закона Российской Федерации об авторском праве и смежных правах и аналогичных Законов США ваша фирма выпустила фонограмму концерта Чайковского № 1, ранее не издававшуюся... использовали фонограмму Сонаты Чайковского, изданную ранее в России?...».

И еще ряд вопросов поставлен был в послании, господин Орбелян не счел нужным ответить.

Письмо № 2. Елена Гилельс — господину Парюлю Ю. Е. (директору А/О «Русский диск», совместно с «Рашен диск» выпускавшей названную продукцию):

«Уважаемый Юрий Евгеньевич!

Не получив ответа от г-на Орбеляна... вынуждена обратиться к вам. ...Прошу дать мне официальное разъяснение по ряду вопросов.

По какому контракту (договору) и на основании какой лицензии (№ и место регистрации) были приобретены фирмой «Рашен диск» фонограммы? Чем руководствовались вы, заключая сделку с этой фирмой, вольно распоряжаясь чужой интеллектуальной собственностью?.. Кто является собственником фонограммы Концерта № 1 Чайковского, записанной на вышеуказанном диске? Какие записи Э. Гилельса имеются в фонотеке «Русский диск» (с указанием источника и формы их приобретения) и какие были переданы... г-ну Орбеляну (с указанием формы их передачи)?..».

Господин Парюль оказался более вежливым и внимательным, чем маэстро Орбелян, хотя бы по одному тому, что быстро откликнулся. Однако его ответ по сути ничего не прояснил:

«...В соответствии с контрактом о сотрудничестве на 1991—1994 годы А/О «Русский диск» в январе 1992 года передало фирме «Рашен диск» (США) реставрационные записи Э. Гилельса и Е. Мравинского. В практике Всесоюзной студии грамзаписи (впоследствии А/О «Русский диск») было широкое использование архивных записей с целью их реставрации и дальнейшего выпуска на грампластинках. Такая работа была проделана с записью репетиции и концерта Э. Гилельса и Е. Мравинского и направлена фирме «Рашен диск». Руководство фирмы сочло более целесообразным заменить репетицию концерта сонатой П. И. Чайковского. Все оформление компакт-диска было выполнено художественной редакцией фирмы «Рашен диск»...».

Далее следовали неуклюжие извинения, попытки объяснить недостатки и нелепости текста на титульном листе компьютерной ошибкой, уверения (со ссылками на сведения, поступившие от Орбеляна), что такие компакт-диски в торговлю не поступали, и одновременно — сведения о том, сколько штук их продано в США и сколько в Европе. Однако о правовых обоснованиях совместных действий директоров двух фирм в обращении с чужой собственностью — ни единого слова, ни единого намека.

Неожиданно всплыла и другая история: выяснилось, что помимо компакт-диска, продаваемого фирмой «Рашен диск», и акционерное производственно-коммерческое общество «Ладъ» выпустило в 1993 году в Великобритании (опять же без ведома и согласия наследницы) компакт-диск с записью по трансляции концертного выступления Эмиля Григорьевича Гилельса в Большом зале консерватории. И снова — письма,

письма, письма по разным адресам. Запросы по поводу правовых обоснований акций, предпринятых в отношении ценностей, которые принадлежат ей, а распоряжаются ими все, кто ни попадя. Как объяснить на фирме «Ладъ», фонограмма концерта в Большом зале приобретена у ГДРЗ (Государственный дом радиозаписи) на основании соответствующего договора между нею и директором дома Иваном Васильевичем Леоновым. Для установления законности данного акта пришлось адресовать вопрос и лично ему — насколько правомерна продажа ценных материалов, хранящихся в государственном фонде, коммерческой фирме?

Ответ не заставил долго ждать. Господин Леонов подробно объяснял, что как производитель звуковых записей, в том числе и трансляционных, ГДРЗ до 1993 года имел законное право проводить любые операции в использовании фонограмм.

Однако самым существенным в его послании оказалось требование от Е. Гилельс конкретных доказательств, что названная трансляционная запись приобретена именно в ГДРЗ. Последняя надежда — Федеральная служба российского телевидения и радиовещания.

Но ответ канцелярии этой службы ничего нового не содержал: по сути дела в нем повторялось все, что «отписал» директор ГДРЗ И. Леонов. В том числе и требование документальных данных, свидетельствующих о нарушении ее, дочери Эмиля Гилельса, законных прав...

Круг замкнулся. На сем завершился многостраничный, многострадальный «роман в письмах». Что дальше?